Рубакин Н.А.

О нарушении общественного спокойствия

1 экз.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ2
Р858

493

ЗАКОНЫ

...евое изданіе для народа

ЦГ2
Р858
Рубакин, Н.А.
х

О НАРУШЕНІИ ОБЩЕСТВЕННАГО СПОКОЙСТВІЯ.

„Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона"
(Основн. зак., ст. 62).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Я. Канторовича

1 п. 0,ф

К.

ЦГ 2
Р 858

Библиотека ИМЭЛ
238
30.

411876 у

2010
У
83

„Долой полицію!“— такъ кричалъ простой народъ на улицахъ Петербурга, Москвы, Кіева, Керчи, Николаева, Тифлиса, Таганрога, Сочи и другихъ городовъ во время волненій весной прошлаго года (1901). „Долой полицію!“ — этотъ крикъ шелъ изъ самаго сердца народа, потому что нагорѣло, накипѣло у него на душѣ, накопилось тамъ много-много злобы и ненависти противъ полиціи. Солоно отъ нея приходится простому человѣку: мужику — отъ урядника, станового и исправника, рабочему — отъ городового, жандарма, сыщика, околодочнаго и отъ иныхъ полицейскихъ чиновъ. Солоно приходится, горько, обидно, невыносимо тяжело. „Долой полицію!“. Но можно ли безъ нея прожить? Можно-ли безъ нея обойтись? Вѣдь, говорятъ, она нужна какъ защита противъ воровъ и разбойниковъ. Такъ и въ законѣ прописано, что полиція должна наблюдать, чтобы „ни отъ кого притѣсненія, обидъ и побоевъ не было“ (статья 238 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій). Въ томъ-же законѣ говорится (ст. 287), что полиція должна „охранять обывателей отъ разбойниковъ и воровъ“. Хороша охрана. Кому-бы говорить, кому-бы слушать. Отъ этой самой охраны нужна хорошая охрана. Рабочій человѣкъ на своей шеѣ знаетъ, что такое полиція. Знаетъ онъ полицейскіе кулаки и кутузку, полицейскія вымогательства, угрозы и застращиванія, знаетъ и высылку изъ городовъ и столицъ. Ежегодно, ежедневно, ежечасно приходится сталкиваться съ полиціей мильонамъ простыхъ людей, и она ими помыкаетъ вродѣ того, какъ помыка-

ли помѣщики въ крѣпостныя времена. Нѣтъ, не прошли еще эти времена для простого человѣка: когда то имъ распоряжался баринъ, а теперь распоряжается полицейскій. Баринъ его билъ, калѣчилъ, убивалъ, далъ съ него шкуру, выворачивалъ карманъ, а теперь то-же дѣлаетъ полиція. Полицейскій кулакъ валяетъ во всю, сворачиваетъ ежегодно сотни тысячъ скулъ. Сосчитайте-ка: на Руси 945 городовъ и 500.000 деревень и не меньше 300.000 кутузокъ и холодныхъ. Въ одной Одессѣ за одинъ годъ побывали въ кутузкѣ 43.281 человѣкъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ нѣсколько разъ больше. А сколько во всѣхъ другихъ городахъ? А въ деревняхъ? и многіе-ли, побывавъ въ кутузкѣ не были тамъ биты? Одинъ городовой такъ говорилъ на судѣ: „у насъ бьютъ часто, я послѣ того всѣмъ подаю умываться“. Въ Одессѣ околодочный Садуковъ велѣлъ городовымъ бить нѣкоего Клинкова, попавшаго въ участокъ въ пьяномъ видѣ. Клинкова били въ лицо, голову, грудь, бока, искровянили, искалѣчили. А Садуковъ смотрѣлъ и только похваливалъ городовыхъ. Клинковъ упалъ безъ памяти. Когда очнулся, полицейскіе составили на него же протоколъ и его-же отдали подъ судъ. Въ октябрѣ 1901 г. въ г. Ярославлѣ дворники и полицейскіе набросились на улицѣ на кучку студентовъ и жестоко избили ихъ. И эти же студенты были притянуты полиціей къ суду за нарушеніе тишины и спокойствія. По свидѣтельству врача у одного студента было сломано ребро и разбита голова, у другихъ оказались ссадины и кровоподтеки по всему тѣлу. Судья оправдалъ всѣхъ студентовъ, кромѣ одного. 21 апрѣля 1899 года въ управленіи первой кремлевской части Нижняго-Новгорода полицейскіе убили крестьянина Воздухова. Они пинали его ногами въ лицо, бока и грудь, сломали ему 10 реберъ, разбили голову. Были такіе-же случаи убійства въ Кі-

евѣ, Ярославлѣ, Луганскѣ и др. А пытка? Говорятъ, ея теперь не бываетъ. Неправда. До сего времени полиція пытаетъ, благо она это можетъ скрыть. Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ урядникъ Мельниковъ въ 1898 г. раздѣвалъ заподозрѣннаго мужика до гола, билъ нагайкой, натиралъ избитую спину водкой съ солью, набивалъ ему полный ротъ мелкимъ перцемъ. Становой Эшъ Самарскаго уѣзда еще страшнѣе пыталъ крестьянина Муховикова, добиваясь, не воръ-ли тотъ. Еще страшнѣе мучили въ петербургскомъ сыскномъ отдѣленіи лакея Сіамскаго посла. И такіе случаи бываютъ вездѣ. А посадить простого человѣка въ холодную безъ суда и слѣдствія — это считается пустяками. Сколько сотенъ тысячъ людей отсиживаютъ тамъ ежегодно зря! А во что обходятся народу полицейскія высылки на мѣсто родины? Въ 1901 году выслано полиціей больше 10 тысячъ человѣкъ изъ одной Екатеринославской губерніи, еще больше изъ Петербурга. А въ Баку полиція даже не даетъ сойти на берегъ съ парохода рабочимъ, которые изъ голодной деревни пріѣхали туда хлѣба искать. А тѣхъ, кто голодаетъ въ деревнѣ, тѣхъ полиція не всякому позволяетъ кормить: на то требуется особое разрѣшеніе губернатора, а оно дается не всякому. Этого не бывало еще ни въ одной странѣ. Этому гнусному дѣлу и названія не подберешь. А какимъ именемъ назвать такія преступленія, какъ извѣстная Ходынка (во время царской коронаціи 1896 года въ Москвѣ, когда погибло 6000 человѣкъ сразу)? А что сказать о такомъ дѣлѣ, какое было въ Петербургѣ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ жандармы изнасиловали дѣвушку Вѣтрову, которая отъ обиды и отчаянія облила себя керосиномъ и сгорѣла живьемъ. А сколько женщинъ насилуются полицейскими въ каталажкахъ? Недавно дошолъ до суда такой случай въ Тюмени, гдѣ полицейскій Козленко изнасиловалъ

юродивую дѣвушку. А о полицейскихъ вымогательствахъ и грабежахъ и говорить нечего. Полицейскіе чины сверху до низу, направо и налѣво, собираютъ обильную жатву съ живого и мертваго. Обзаводятся своими домами тѣ чины, которые получаютъ по сорока рублей въ мѣсяцъ. Петербургскій градоначальникъ Клейгельсъ за нѣсколько лѣтъ купилъ себѣ нѣсколько имѣній. Не отъ добродѣтели-же это. Полиція обложила въ свою пользу всѣ базары, всѣхъ торговцевъ. Взятки и поборы процвѣтаютъ на каждомъ шагу. Сколько сотенъ мильоновъ въ годъ переходитъ такимъ способомъ изъ небогатыхъ кармановъ простого народа въ загребущія руки полиціи? Сосчитайте-ка. Грабежъ идетъ посреди бѣла дня на глазахъ у всѣхъ. Въ Измаилѣ и Радомѣ полицейскіе даже устроили изъ себя настоящія воровскія шайки и нѣсколько лѣтъ грабили городскихъ обывателей заодно съ ворами. Въ Баку и Владивостокѣ полиція явно помогала разбойникамъ. Жаль только, здѣсь ея дѣла не дошли до суда. А полицейскіе штрафы? Оштрафовать бѣднаго человѣка здорово живешь, безъ суда, не давая оправдаться, — это считается мелочью. Въ Петербургѣ полиція штрафуетъ извощиковъ безъ вины за самыя пустыя провинности, больше, чѣмъ на 200.000 рублей въ годъ. Извощикамъ отъ полиціи очень туго приходится, какъ и дворникамъ. Ихъ то и дѣло штрафуютъ и высылаютъ изъ столицы. Въ Фатежѣ исправникъ наложилъ въ 1899 г. на крестьянъ цѣлую уйму принудительныхъ даровыхъ работъ, а исправникъ Балашевскаго уѣзда заставилъ въ 1900 г. крестьянъ выставлять для мелкой полицейской службы по одному десятскому съ каждыхъ 10 дворовъ. Эта повинность, если перевести ее на деньги, обошлась населенію уѣзда въ 360.000 въ годъ, то есть больше половины оклада земскихъ и казенныхъ платежей. Но мужицкія денежки лег-

кія, а терпѣніе большое. А такія полицейскія дѣла, какъ повальная порка послѣ усмиренія и безъ того мирныхъ деревень.? А такія дѣла, какъ напримѣръ въ Трокахъ, гдѣ полиція схватила честную дѣвушку и отправила ее, какъ шлюху, въ часть для освидѣтельствованія. Такія дѣла часто дѣлаются въ столицахъ и въ другихъ городахъ. Но всѣхъ полицейскихъ дѣяній и злодѣяній не перечислить. Господа всѣхъ этихъ дѣлъ и не знаютъ, знаетъ больше простой народъ, потому что на него-то они и сыпятся. Знаетъ народъ, что **полиція та-же шайка воровъ, разбойниковъ и вымогателей.** И эти воры-разбойники куда страшнѣе и опаснѣе тѣхъ враговъ и разбойниковъ, которыхъ полиція ловить обязана. Полицейскіе — самые страшные воры-разбойники, потому что они состоятъ на государственной службѣ, служатъ россійской державѣ, они получаютъ чины, кресты, благодарности, носятъ мундиры и свѣтлыя пуговицы, для этихъ разбойниковъ особые законы написаны и царемъ подписаны. Но казенные воры и разбойники что-то плохо ловятъ не-казенныхъ воровъ-разбойниковъ, — тѣхъ все еще много остается. Зато честнымъ людямъ отъ полиціи достается немало.

Какъ-же это возможно, что полиція злодѣйствуетъ и обижаетъ и обираетъ ежегодно многіе мильоны людей, и еще жалованье получаетъ (на нее идетъ нѣсколько сотенъ мильоновъ рублей въ годъ)? Да потому это и возможно, что ей нѣтъ никакихъ препонъ. У нея своя рука владыка. Обидитъ, а тамъ разбирай, имѣла или не имѣла она право это сдѣлать. Не суда-ли искать на полицію? Полицейскія дѣянія рѣдко когда доходятъ до суда. Доходятъ они лишь тогда, когда даже камни начинаютъ вопить о нихъ, и когда никакъ уже нельзя покрыть и заглушить дѣло. Полицію законы охраняютъ куда лучше, чѣмъ простой народъ. По закону можно жаловаться на поли-

цейскаго лишь его собственному начальству, а это начальство чаще всего еще хуже городовыхъ: извѣстно, что въ полицію идутъ служить чаще всего тѣ офицеры, которые выгнаны изъ полка товарищами. Полицейское начальство или покрываетъ грѣхи своего служащаго на томъ основаніи, что „всѣ они таковы“, или подвергаютъ его какому-нибудь маловажному взысканію, для отвода глазъ. Судъ тоже на сторонѣ полиціи: вѣдь судъ долженъ судить полицію по закону, а законъ такъ написанъ, что полицейскаго трудно и наказать. Законъ то и дѣло разрѣшаетъ полицейскимъ дѣйствовать „по усмотрѣнію“, то есть какъ Богъ на душу положитъ. Полицейскимъ законъ даетъ власть распоряжаться и помыкать народомъ, напримѣръ, вотъ за какія провинности: за „нарушеніе тишины и спокойствія“, за „неисполненіе требованій полиціи“, за „сопротивленіе властямъ“. Голодный человѣкъ заоретъ, что ему ѣсть нечего, — это „нарушеніе тишины и спокойствія“, это преступленіе. Крестьяне села Усовки (Сарат. губ.) выбрали противъ воли полиціи ходоковъ къ царю, — хлопотать объ ихъ тяжбѣ съ помѣщицей, — это „неисполненіе требованій полиціи“. Крестьянъ приговаривали къ штрафу въ 25 и 50 р. каждаго. Рабочіе торгуются съ фабрикантомъ, который понизилъ расцѣнокъ, и бастуютъ, — это „сопротивленіе властямъ“. Поди-ка, поспорь съ судами и полиціей, правильно или неправильно она толкуетъ законъ. Да по такимъ законамъ можно обвинить и усадить кого угодно и за что угодно, честнымъ придется отъ такого закона еще хуже, чѣмъ разбойникамъ. Но если случится, что полицейскіе очень ужъ проштрафятся, имъ судъ не страшенъ: законы таковы, что очень слабо наказываетъ „должностныхъ лицъ“, превысившихъ свою власть. Если кто убьетъ человѣка, тому грозитъ каторга на 15 — 20 лѣтъ (статья 1452 — 53 Улож. о

наказаніяхъ), а если убьетъ человѣка полицейскій, ему грозитъ каторга не болѣе, какъ на 10 лѣтъ (ст. 346). А тутъ еще въ законѣ есть оговорка насчетъ „смягчающихъ вину обстоятельствъ“: вину свою полицейскимъ очень легко уменьшить. Свидѣтелей они запугиваютъ, иныхъ отводятъ. Кромѣ того, царь Александръ III издалъ еще такой законъ, что за нимъ полиція теперь совсѣмъ какъ у Христа за пазухой. По этому закону провинившихся должностныхъ лицъ судятъ безъ присяжныхъ коронные судьи, — одни коронные судьи (то есть должностные лица) съ „сословными представителями“, которые тоже должностные лица. Свой судитъ своего: хорошъ „правый и милостивый“ судъ. Милостивъ онъ къ полицейскимъ разбойникамъ. Зато онъ строгъ къ тѣмъ, кто не повинуется всякимъ распоряженіямъ властей. Ничего, молъ, благо простой человѣкъ вѣритъ, что и разбойничья власть отъ Бога. Наказанія за „неисполненіе требованій полиціи“ и за „сопротивленіе властямъ“ положены очень строгія (ст. 263 и слѣдующія Улож. о наказ. — каторга до 20 лѣтъ, ссылка въ Сибирь и тюрьма). А для полицейскихъ разбойниковъ вотъ какіе бываютъ приговоры „праваго и милостиваго“ суда: городовые, убившіе Воздухова, приговорены къ четыремъ годамъ каторги, а околодочный, который ими командовалъ, къ мѣсячному аресту. Луганскіе городовые, убившіе въ участкѣ крестьянина Заикина, отдѣлались тремя съ половиной годами арестантскихъ ротъ (къ 4 годамъ каторги приговоренъ солдатъ, который укралъ изъ цейгхауза 50 паръ штановъ). Въ Переяславлѣ судили въ 1899 г. урядника, который вмѣстѣ со старостой и сотскимъ пыталъ нѣкоего крестьянина Куща, заподозрѣннаго въ кражѣ. Они пытали его огнемъ, привязывали въ мѣшкѣ къ потолку; сразу бросали оттуда на полъ, крутили волоса..... Судъ приговорилъ старосту и сотскаго къ арес-

тантскимъ ротамъ, а урядника оправдалъ. Урядникъ Карасевъ, избившій вдрызгъ одного крестьянина, приговоренъ Саратовской судебной палатой къ аресту на одинъ мѣсяцъ. Околодочный Садуковъ, избившій Клинкова, даже и подъ судъ не попалъ, а вмѣсто того привлекъ къ отвѣтственности этого самаго Клинкова. Бѣлостокскій становой Гриневичъ чуть не задушилъ и страшно избилъ дѣвушку, — за это его посадили на одинъ мѣсяцъ на гауптвахту. Приставъ Эшъ, пытавшій Муховикова, приговоренъ всего на 8 мѣсяцевъ тюрьмы. Зато князь Вяземскій, который 4 марта 1901 г. пробовалъ было пріостановить полицейское битье на Казанской площади въ Петербургѣ, получилъ выговоръ за это отъ самаго царя, а полицейскимъ была объявлена высочайшая благодарность за вѣрную службу. Выходитъ въ концѣ концовъ такъ, что на полицейскихъ нѣтъ ни суда, ни расправы, нѣтъ и защиты отъ нихъ со стороны самого царя. По силѣ закона полицейскіе могутъ дѣлать все, что угодно. По силѣ закона-же обыватель долженъ молчать и терпѣть. Не ясно-ли, что плохи-то полицейскіе потому, что **законы самые плохи?** Они такъ написаны, что полиція по закону можетъ дѣлать всякія беззаконія. А это вѣдь все равно, что никакого закона на Руси нѣтъ. Да и на самомъ дѣлѣ его нѣтъ. Поди-ка, разберись простой человѣкъ въ законахъ, (хотя отговариваться ихъ незнаніемъ и возбраняется), поди-ка пойми, какъ ихъ толковать. Законовъ много, всѣ они противорѣчатъ одинъ другому, ихъ можно толковать и такъ, и сякъ, можно и обходить. Но и всего этого оказалось мало: при Александрѣ III вышелъ такой законъ, по которому можно упразднить всѣ прочіе законы. Законъ этотъ называется „положеніемъ о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“. Иначе онъ называется „усиленной охраной“, — ох-

раной царя отъ подданныхъ. Этотъ законъ даетъ страшную власть губернаторамъ, полиціи и жандармамъ. Законъ этотъ называется „**временнымъ**“, но онъ пришелся по душѣ царямъ, министрамъ, губернаторамъ и полиціи. Царь каждый годъ утверждаетъ этотъ „**временный**“ законъ еще на одинъ годъ. До 1901 г. „Усиленная охрана“ дѣйствовала въ семи губерніяхъ: Петербургской, Московской, Харьковской, Екатеринославской, Кіевской, Подольской, Волынской, въ градоначальствахъ: петербургскомъ, одесскомъ и николаевскомъ, въ городахъ Кронштадтѣ, Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Нахичевани, въ селѣ Касперовкѣ и Таганрогскомъ округѣ области Войска Донского, въ посадахъ Богоявленскѣ, Калиновкѣ и мѣстечкѣ Варваровкѣ Херсонской губ. Съ 4 сентября 1901 г. охрана введена сверхъ того въ г. г. Тифлисѣ и Баку съ его уѣздомъ, въ Покровскомъ и Шуйскомъ у. съ городомъ Иваново-Вознесенскомъ Владимирской губ., въ г. Елизаветградѣ, посадѣ Воскресенскѣ и мѣстечкѣ Кривой-Рогъ Херсонской губ. и наконецъ съ 1 декабря 1901 г. въ г. г. Ригѣ, Юрьевѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Гомелѣ, Двинскѣ, Витебскѣ, Бѣлостокѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Томскѣ, Ярославлѣ, Саратовѣ, Полтавѣ, Самарѣ, Кишиневѣ, и въ Виленской губ. — почитай на всю Россію. Въ силу этого-то закона полиція и высылаетъ безработныхъ изъ столицъ, Екатеринославской и другихъ губерній. Въ силу этого-то закона, каждый день въ Петербургѣ и разныхъ другихъ фабричныхъ мѣстахъ сыщики, жандармы и полиція арестуютъ множество фабричныхъ рабочихъ, бьютъ и пытаютъ ихъ въ одиночной тюрьмѣ и высылаютъ въ дальнія и глухія мѣста подъ надзоръ полиціи, то есть вродѣ какъ въ иноземный плѣнъ. Ссылаетъ полиція рабочихъ за такія, якобы, преступленія: за „вредный образъ мыслей“, за „неблагонадежность“, а что это такое, рѣ-

шаетъ сама полиція. Или вотъ еще считается преступленіемъ забастовка. Это потому, что полиція теперь особенно боится рабочихъ. Оттого же она не даетъ безработнымъ скопляться въ какомъ либо одномъ мѣстѣ. Рабочіе-забастовщики считаются теперь „государственными преступниками“. Такимъ-же преступленіемъ считается чтеніе хорошихъ книгъ, открывающихъ глаза народу. Полиціи такія книги справедливо кажутся опасными. Немудрено, что за немного лѣтъ многіе десятки тысячъ рабочихъ попали въ число политическихъ, то есть государственныхъ преступниковъ. Такіе теперь вездѣ завелись. А съ такими полиція особенно не церемонится: она за ними слѣдитъ, сажаетъ, обыскиваетъ ихъ, высылаетъ. Сыщики сами заводятъ по приказанію своего начальства разныя дѣла, собираютъ около себя довѣрчивый, хорошій народъ, а потомъ сами-же на него доносятъ. Такія гнусности продѣлываются чаще всего для того, чтобы показать свое усердіе по службѣ и получить награду. Теперь идетъ по всей Руси настоящая ловля государственныхъ преступниковъ и отъ этой ловли теперь страдаютъ больше всего не господа, а простой народъ, главнымъ образомъ фабричные рабочіе. Зато очень и очень довольны работой полиціи господа — разные тамъ фабриканты, заводчики, чиновники, генералы и всякая сытая сволочь, живущая на чужомъ горбѣ. Ее то и охраняетъ полиція, ее — и себя, и свои доходы. Фабриканты за спиной у полиціи тѣснятъ рабочихъ, а чиновники получаютъ жалованье и расхищаютъ казенное добро, собираемое съ того-же мужика и рабочаго. Вотъ кого оберегаетъ полиція отъ бѣдноты, которая съ голода и холода и отъ тяжелой жизни, разумѣется, и пьетъ и воруетъ. А развѣ воровъ и разбойниковъ и пьяницъ среди господъ нѣтъ? Самые то крупные среди нихъ. На сотню мужиковъ приходится три во-

ра и жулика, а на сотню господъ чиновниковъ, фабрикантовъ, купцовъ, генераловъ, банкировъ — тридцать три, если не больше. **Полиція — другъ богатыхъ и сытыхъ. Полиція — врагъ бѣдныхъ и голодныхъ.** Свою власть она гнетъ на пользу богатыхъ и сильныхъ. За простой народъ она заступаться не любитъ. Отъ нея бѣднотѣ одно утѣсненіе. Полицейская шайка разбойниковъ охраняетъ сытыхъ отъ бѣдноты, такъ на полицію и надо смотрѣть, какъ на подлаго, лютаго и государственнаго врага простого народа. Что ни говори, а это такъ.

А почему это такъ? Почему законъ на сторонѣ полиціи, а полиція на сторонѣ богатыхъ? Очень просто почему. Кто у насъ законы для народа пишетъ? Говорятъ, ихъ пишетъ царь. Нѣтъ, царь ихъ не пишетъ, онъ ихъ только подписываетъ. А кто пишетъ? Наемные чиновники. А у кого они спрашиваются о томъ, какой какъ законъ написать? У богатыхъ. Спрашиваются у помѣщиковъ, у фабрикантовъ, у купцовъ. А у мужиковъ и у рабочихъ они спрашивають-ли объ этомъ? Никогда не спрашиваютъ. Что они народу дадутъ, то онъ и бери. Они о себѣ заботятся, а не о народѣ: своя рубашка къ тѣлу ближе. Народъ для нихъ тоже, что дойная корова: надо корову и кормить, чтобы доить. Все это доители, а не кормители. Кто больше доитъ, тому лучше и живется. А какъ быть съ тѣмъ, кому живется плохо? Вѣдь ихъ-то много — почти весь народъ такой.... какъ бы не вышло чего. Такимъ нужно рты зажать, глаза замазать, нужно придавить ихъ хорошенько голодомъ да холодомъ, поборами да законами, такъ, чтобы они были не люди, а вродѣ, какъ ломовыя лошади, верблюды. Повинуйся предержащимъ властямъ — „нѣсть бо власти аще не отъ Бога“. Надо простой народъ держать въ страхѣ, трепетѣ, повиновеніи и смиреніи, покорности и

темнотѣ, чтобы онъ пикнуть не смѣлъ и не съумѣлъ. Пусть-де онъ о своемъ благѣ не думаетъ: за него будутъ думать другіе. Сколько ему полагается блага, столько ему и отпустятъ, а больше и просить не смѣй: прошеніе — тоже преступленіе, — мужицкихъ ходоковъ къ царю полиція не даромъ хватаетъ и высылаетъ. Легко сказать „молчи и терпи и не разсуждай“. Но вѣдь у простого-то человѣка тоже голова есть, и искренніе доброжелатели есть, и книги на свѣтѣ честныя и справедливыя имѣются. Простой человѣкъ самъ до многаго додумался, а это сытымъ и **не выгодно**. Потому-то сытые всегда и вездѣ и боятся голодныхъ. Сытые чуютъ, что настанетъ время, когда передъ ними встанутъ милліоны фабричныхъ и крестьянъ и закричатъ: „отдайте намъ наше“. Они чуютъ, что въ концѣ концовъ народъ непремѣнно уразумѣетъ, откуда текутъ на него разныя бѣды, — нищета, темнота и униженіе. Надо же постараться сдѣлать такъ, чтобы это случилось не скоро. Вотъ и стараются: царь даетъ огромную власть министрамъ, особенно министру внутреннихъ дѣлъ, министръ даетъ ее губернаторамъ, тѣ — полиціи. Съ хорошими же людьми дѣлится царь-батюшка своею властью: на долю каждому полицейскому приходится частичка этой власти. Полицейская власть — частичка власти царской. Жаль только, что царь дѣлится своей властью съ полицейскими, а не съ мужиками и рабочими. А мужики и рабочіе живутъ въ полицейскомъ плѣну, вродѣ какъ въ турецкомъ. Спасибо вамъ, попы, что вы долбите народу, будто царь — помазанникъ Божій. Безъ васъ, да безъ полиціи ничего бы не подѣлать сытой сволочи, — пришлось бы дѣлиться съ народомъ своимъ добромъ, своею властью. Вотъ сытые господа и говорятъ: „полиція нужна для государственнаго порядка“, а министры говорятъ: „полиціи непремѣнно нужно

дать страшную власть, иначе намъ не справиться съ чернью". Сытые господа говорятъ: „корень зла — народъ, потому что онъ, скотина этакая, смѣетъ почему-то желать, чтобы и ему жилось такъ же хорошо, какъ намъ живется. Надо напустить на народъ твердую власть — полицію, пусть она ему глаза зажметъ, ротъ заткнетъ, друзей его уберетъ, пусть хорошенько запугаетъ беззаконіями, пусть запутаетъ законами, пусть суды судятъ ее кое-какъ, пусть законы ей поддакиваютъ".

Такъ оно и есть на Руси. Статьи 119 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій гласитъ: „полиція имѣетъ надзоръ, чтобы никто, въ противность должнаго послушанія законнымъ властямъ, ничего не предпринималъ". „Статья 120 гласитъ: „полиція обязана „смирять нарушителя покоя по мѣрѣ данной ей власти, въ чемъ всякъ по силѣ и возможности обязанъ ей содѣйствовать". Статья 121 приказываетъ обывателямъ повиноваться **всякимъ** требованіямъ полиціи.

Только вотъ какая бѣда: ртовъ-то всѣмъ не заткнешь, головъ-то всѣмъ не законопатишь. Звонкія слова—„законъ" и „царь", но изъ одного ихъ звона бѣднякъ шубы себѣ не сошьетъ. Нужна мѣрка чтобы мѣрить законы и царя, хороши они или плохи. И такая мѣрка есть: эта мѣрка — **Справедливость.** Не всякій законъ справедливъ. Со всякой несправедливостью надо бороться. И во всѣхъ странахъ народъ съ несправедливостью боролся, борется и всегда будетъ бороться, пока и на его сторонѣ не настанетъ праздникъ. За границей рабочіе и крестьяне давно обуздали полицію. Они обуздали ее потому, что обуздали министровъ. А министровъ они обуздали потому, что обуздали царей. Одно за другое цѣпляется, одно безъ другого не обуздаешь. Иначе никакихъ способовъ нельзя придумать, чтобы попра-

вить дѣло. Есть такія государства на землѣ, — напримѣръ, Американскіе Соединенные Штаты, Швейцарія, — гдѣ самъ народъ для себя законы пишетъ и гдѣ царствуетъ дѣйствительно правый и, главное, независимый судъ и гдѣ полиція — нелицепріятный слуга народа, обузданный слуга закона, — закона справедливаго, доброжелательнаго простому народу. Надо и русскимъ добиться такого-же правильнаго устройства всей жизни. Коли за границей люди добились этого, значитъ и у насъ можно добиться. А для этого нужна **борьба**, нужна непремѣнно борьба, безъ нея ничего само собою не сдѣлается — своего лакомаго куска никто самъ не отдаетъ. Нужно бороться снизу до верху, начиная съ городовыхъ и урядниковъ, сыщиковъ и жандармовъ, околодочныхъ и становыхъ, исправниковъ и полицмейстеровъ и кончая губернаторами, министрами и царемъ. Надо бороться съ тѣми обидчиками народа, которыхъ эта шайка защищаетъ. Каждый человѣкъ **можетъ** бороться, каждый **долженъ** бороться, для каждаго найдутся такіе способы борьбы, какіе для него подходящіе и удобные. Способы эти давно придуманы. Ихъ придумала и придумываетъ сама жизнь простого человѣка. Прежде всего — надо понять суть дѣла и корень зла и всѣмъ и каждому разъяснять, что такое полицейская сила и откуда она берется. Полиція — врагъ, значитъ и обходиться съ ней нужно, какъ съ врагомъ: совсѣмъ отстраняться отъ нея, ни въ чемъ ей не помогать, никакихъ свѣдѣній ей не сообщать, „не иди на совѣтъ нечестивыхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ“. Но отстраняться отъ полиціи еще мало, — надо бороться съ нею, пугаться ее нечего. Надо всячески идти противъ нея. Надо засыпать всѣ суды жалобами на полицію. Надо засыпать сенатъ жалобами на губернаторовъ. Надо не бояться столкновеній съ полиціей, а даже искать ихъ. Надо не вхо-

дить въ сдѣлки, не уступать. Надо отстаивать свои человѣческія права. **Справедливость выше закона и выше полиціи.** Надо изъ каждаго столкновенія съ полиціей устраивать скандалъ. Чѣмъ онъ будетъ громче, тѣмъ лучше. Нужды нѣтъ, что полиція останется побѣдительницей. Полиція очень боится скандаловъ, потому что всякій скандалъ раскрываетъ глаза народу. Нечего разбирать, на законной или не на законной почвѣ придется бороться: сегодня почва законная, а завтра ее, того и гляди, объявятъ незаконной. Бороться надо во имя справедливости, а не во имя закона. Если встрѣтится нужда, слѣдуетъ защищать справедливое дѣло и съ оружіемъ въ рукахъ, то есть силой: сила противъ силы, сила народа противъ силы полиціи. Если полиція бьетъ, — и ее надо бить. Пусть каждый полицейскій, каждый сыщикъ, городовой, жандармъ, околодочный, приставъ, исправникъ, губернаторъ, министръ, пусть всѣ они помнятъ и чувствуютъ, что мясо и кости есть и у нихъ. Пусть они помнятъ, что если они не держатъ отвѣта передъ своимъ начальствомъ и передъ закономъ, **то во всякомъ случаѣ** должны держать отвѣтъ передъ народомъ. Вѣдь **и народъ можетъ и долженъ** наказывать, коль начальство, судъ и законъ не наказываютъ. Въ Мензелинскѣ былъ убитъ земскій начальникъ выстрѣломъ изъ ружья въ окно. Дѣло было вечеромъ, виновныхъ не нашли. Въ Воронежской губ. лѣтомъ 1900 г. выстрѣломъ изъ ружья убитъ земскій начальникъ Реньо, на беззаконія котораго крестьяне напрасно жаловались губернатору. Подозрѣваемый въ убійствѣ крестьянинъ судился, но былъ оправданъ. Такимъ же способомъ былъ убитъ полицмейстеръ въ Читѣ. Стрѣляли и въ министровъ, и это на пользу пошло. Особенно-же важно для дѣла бороться съ полиціей не въ одиночку, а дружными силами, сообща. Такой борьбы полиція

особенно боится. Теперь по разнымъ мѣстамъ ужъ начинается такая борьба. Про нее даже въ газетахъ пишутъ, потому что нельзя ее замолчать. Напримѣръ, въ Луганскѣ полицейскіе убили рабочаго Заикина, — народъ взбунтовался и разбилъ участокъ. Въ селѣ Днѣпровкѣ Таврической губерніи губернаторъ распорядился выслать изъ предѣловъ губерніи мужицкаго ходока А. Караманова (на основаніи „усиленной охраны"), — мужики всею деревнею не допустили до этого. Они цѣлыхъ два мѣсяца прятали его у себя, вступили въ драку съ полиціей. Чтобы арестовать Караманова, понадобилось ввести въ Днѣпровку два батальона солдатъ. Въ деревнѣ Каменогоркѣ Липецкаго уѣзда крестьяне отбили у полиціи своего односельчанина Подгурскаго и не дали его арестовать (1900 г.) Въ 1901 г. въ деревнѣ Суховерховѣ близъ г. Кологрива Костромской губ. нужно было взять для отбыванія наказанія крестьянина Петра Чеснокова. Когда явилась полиція, Чесноковъ заперся въ своей избѣ и началъ звать на помощь. На его крикъ сбѣжались мужики и отбили его у исправника. Лѣтомъ 1899 г. нѣсколько крестьянъ с. Шахова Кромскаго у. Орловской губ. были отданы подъ судъ за то, что косили траву и жали хлѣбъ на спорной землѣ. Тогда 24 іюля 1899 г. все общество села Шахова явилось въ г. Кромы къ судебному слѣдователю и заявило ему, что оно не допуститъ допрашивать отдѣльныхъ лицъ а, требуетъ допроса всего сельскаго общества. Команда полицейскихъ и конвойныхъ, присланная въ село для ареста обвиняемыхъ, была встрѣчена всѣмъ сходомъ, причемъ крестьяне заявили, что отдѣльныхъ лицъ они арестовать не дадутъ, если же исправникъ хочетъ, то пусть арестуетъ все общество. Только орловскій губернаторъ, введя въ село батальонъ пѣхоты, былъ въ силахъ арестовать одиннадцать крестьянъ, руко-

водившихъ дѣйствіями сельскаго общества.

Весной 1899 г. въ деревнѣ Кандауровкѣ Бузулукскаго уѣзда Самарской губерніи надо было по приказу земскаго начальника арестовать четырехъ крестьянъ Прокудиныхъ. Прокудины не давались и отбивались отъ полиціи. Чтобы ихъ взять, пришлось собрать въ село полицію со всего уѣзда и устроить осаду Прокудинскаго двора. Осаждали его исправникъ, становой, 15 городовыхъ, десятокъ урядниковъ и множество сотскихъ. Тутъ же былъ одинъ офицеръ и трое унтеровъ изъ жандармеріи. Въ первый разъ осада длилась 6 дней и была снята. Во второй разъ, на четвертый день Прокудины заявили, что сдадутся, только не полиціи, а „выборнымъ отъ народа". — „Пусть придутъ староста и старики — имъ сдадимся". Такъ и было сдѣлано.

Въ Петербургѣ, на фабрикѣ Максвеля полиція пришла ночью въ рабочую казарму, чтобы обыскать и арестовать нѣкоторыхъ рабочихъ. Вся рабочая казарма не допустила ее до этого. Началась драка, полицейскіе брали приступомъ этажъ за этажомъ. Въ Петербургѣ, на Шлиссельбургскомъ трактѣ и на Пескахъ рабочіе нерѣдко избиваютъ ночью ненавистныхъ городовыхъ и дворниковъ. Въ прошломъ, 1901 году, народъ дрался съ полиціей на улицахъ во многихъ городахъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Астрахани, Кіевѣ, Харьковѣ, Николаевѣ, Таганрогѣ, Перми, Сочи и проч. Въ Кіевѣ и Харьковѣ народъ отбивалъ отъ полицейскихъ тѣхъ, кого они арестовывали. Въ Петербургѣ, въ маѣ 1901 г., рабочіе сильно дрались съ полиціей и солдатами на Обуховскомъ заводѣ и на Выборгской сторонѣ. Передъ ними отступали даже солдаты. Нѣкоторые переулки приходилось брать приступомъ. Въ Горловкѣ рабочіе воспротивились полиціи, когда та стала высылать безработныхъ. Въ декабрѣ 1901 года снова

Ц11876.

на улицахъ Харькова и Екатеринослава бились студенты и рабочіе противъ полиціи. Правда, въ каждомъ такомъ случаѣ бываютъ и жертвы, но развѣ ихъ мало и такъ? Развѣ мало худыхъ дѣлъ творится въ тишинѣ и молчаніи, среди безропотнаго униженія и темноты. Ужъ если будутъ жертвы, пусть лучше онѣ будутъ на пользу справедливому дѣлу. Если погибнутъ одни, другимъ станетъ жить лучше. Министры и губернаторы уже теперь чувствуютъ, что простой народъ начинаетъ давать отпоръ полиціи. Впереди другихъ идутъ въ этомъ дѣлѣ фабричные, **потому имъ-то и нужно въ особенности помогать, нужно дѣйствовать заодно съ фабричными.** И этотъ отпоръ со стороны рабочихъ страшитъ министровъ больше, чѣмъ всероссійскій неурожай и иноземное нашествіе. Страшитъ онъ всѣхъ враговъ народа. Берегись, подлая, своекорыстная, продажная сволочь. Когда по деревнямъ, по фабрикамъ и по городамъ раздадутся народные крики: „долой полицію“, тогда зашатается и твоя власть.

„Долой полицію“!

Измѣните законы въ пользу простого народа. Чтобы никто не смѣлъ безъ суда и слѣдствія засаживать русскаго человѣка въ тюрьму и ссылать. Чтобы суды были справедливые и независимые отъ богатыхъ, сытыхъ и сильныхъ. Чтобы судей выбиралъ себѣ самъ народъ. Чтобы законы писалъ самъ народъ, — въ лицѣ своихъ выборныхъ. Чтобы темныя дѣла полиціи, губернаторовъ и министровъ и всѣхъ богатыхъ и несправедливыхъ людей доходили до суда, до независимаго и нелицепріятнаго суда. Чтобы эти дѣла не замалчивались и не прикрывались, а пропечатывались бы во всѣхъ газетахъ, свободно выводились бы на свѣтъ и на чистую воду.

Долой полицію!